

УДК 322.2

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ РОССИИ: ПОИСК СИМФОНИИ

© А.А. Васильев

Алтайский государственный университет
656049, Российская Федерация, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61
E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Аннотация. Проанализирован идеал церковно-государственных отношений в консервативной правовой идеологии России. Внимание уделено изучению идеи симфонии в творчестве российских консерваторов. На основе трудов российских консерваторов, источников российского права и материалов практики Конституционного суда Российской Федерации показана сущность симфонии церковной и государственной властей. Сделан вывод, что симфония власти есть не просто разделение церкви и государства, но и их взаимная поддержка и взаимодействие, определяемые всякий раз конкретно-историческими обстоятельствами. Поэтому симфония церкви и государства не может быть определена в формально-логическом виде как некая формула отношений двух властей. Аргументировано значение независимой и автономной церкви как гаранта от сползания государства в тоталитаризм. В качестве одного из тезисов обосновано суждение о том, что консервативные интенции до сих пор оказывают свое воздействие на соотношение церкви и государства в России через архетипы национального сознания и политические традиции.

Ключевые слова: церковь; государство; симфония; цезарепапизм; папоцезаризм; православие

В эпоху постсекуляризма консервативная трактовка взаимоотношений церкви и государства может показаться анахроничной. Однако консервативный идеал церковно-государственных отношений сохраняет свою актуальность в форме архетипов российского менталитета и традиций политико-правового устройства. Консервативная идея интересна в современных условиях поиска постсекулярного устройства России при расширении роли церкви и государства в делах друг друга (дело «Пусси райот», воцерковление отдельных сторон светской жизни – армии, мест лишения свободы, школы и т. д.) [1]. Значение данной проблематики возрастает в связи с неприятием российской христианской традицией практики Европейского суда по правам человека, в которой зачастую проводится в жизнь секуляризм.

Консервативные воззрения на взаимоотношения церкви и государства основаны на идее духовного превосходства церковного единства общества, соборной жизни православных христиан над заботами государственного порядка. Отнюдь такая мысль не может интерпретироваться как идея поглощения церковью государства. Традиционалистские мыслители строго размежевывали духовное и мирское, церковные дела и дела государственные. Вместе с тем консервативная правовая мысль стремилась не допустить превращения государства в фетиш, подмену идеи церкви как идеала устройства людей на земле идеей государственности как единственной оптимальной формы сосуществования людей. Мысль о доминировании государственности расценивалась православно окрашенным консерватизмом как языческая идея, осуждаемая за связь с царством князя мира сего – Антихристом.

Западноевропейский путь католической церкви, которая с X века стала претендовать на создание христианской теократической монархии во главе с Папой Римским, резко осуждался консерваторами [2]. Папоцезаризм, или господство духовной власти над светской, по их мнению, искажал истинное значение церкви и веры. Когда церковь приобретает черты государственности, то в делах духовного порядка начинают прибегать к насильственным и принудительным средствам, тем самым разрушая внутреннюю свободу человека, его нравственный мир, не терпящий какого-либо вмешательства. А.С. Хомяков справедливо заметил: «Русской земле не только не неизвестна борьба, но даже и недоступна мысль, подавшая повод к борьбе государственного права, стремившегося управлять правдою церковною, с церковною иерархию, стремившеюся оторваться от тела Церкви и потом овладеть правом государственным» [3, с. 405].

Принцип разделения дел церкви и государства, священного и мирского гарантирует обществу и человеку свободу духовной жизни от диктата государственной власти, сохранение независимости в вопросах духа, веры. Консервативная правовая доктрина стоит на позиции максимального сдерживания превращения церкви в государственный институт или потери ею статуса независимой, поскольку в таком случае верующие теряют свою свободу в вопросах веры, а государство не имеет внешней инстанции для оценки своей деятельности.

Верно отмечает современный правовед Р.В. Насыров: «Деформация принципа разделения властей и симфонии церковной и государственной властей в католицизме и фактический отказ от такого разделения в протестантстве и предопределили такую фундаментальную черту

современной западной политико-правовой культуры, как господство полицейского государства и значительную этатизацию общественной жизни» [4, с. 118].

По этим причинам непонятны для охранителей властолюбивые намерения католической церкви, Крестовые походы, воинственные ордена, судебные процессы над еретиками и их казни. Борьба церкви и государства за приоритет церкви и ее самостоятельность от государства в Западной Европе привели к формированию теократии в виде Папской области, которая в настоящее время сократилась до размеров карликового государства (Ватикан).

Проблема соотношения церковной и государственной властей была впервые поднята в полемике нестяжателей и иосифлян, в том числе в аспекте обеспечения духовной свободы от вмешательства государственной власти, выбора средств борьбы с посягательствами на веру. Основатель течения заволжских старцев Нил Сорский был сторонником четкого размежевания духовной и светской властей, их невмешательства в дела друг друга. Наиболее ярко эта идея проявилась в вопросе наказания еретиков. Нил Сорский стоял на позиции прощения тех еретиков, которые раскаялись и отказались от своих убеждений в пользу православия. Тех же еретиков, которые остались верными своим убеждениям, Нил Сорский не призывал казнить и преследовать, если эти убеждения не были опасны для общества. Нил Сорский, по сути дела, первым поднял вопрос о свободе мысли и убеждений и отсутствии преследования за убеждения. Сферу убеждений человека он считал неприкосновенной и недоступной для государственного вмешательства.

Необходимость прощения раскаявшихся еретиков была выражена в «Послании кирриловских старцев по поводу слова Иосифа Волоцкого о еретиках». Заволжские старцы ссылались на Священное Писание как основу для милосердного отношения к еретикам, которые отступились от противных христианству убеждений: «Старцы из Кириллова монастыря, а с ними все заволжские старцы привели на это послание старца Иосифа от божественного Писания обратное – что нераскаявшихся и непокорных еретиков предписано держать в заключении, а покаявшихся и проклявших свое заблуждение еретиков Божья Церковь принимает в распростертые объятия: ради грешников облекся плотью Сын Божий, и пришел он погибших сыскать и спасти».

Несмотря на то, что с подачи иосифлян верхушка еретиков была казнена или отправлена в заточение, идеи нестяжателей были воспри-

няты официальной идеологией Московского государства. По сути, по вопросу о свободе убеждений и веры концепция нестяжателей стала официально действующей правовой доктриной в рамках церковного и уголовного права России. В отличие от католической инквизиции в России случаи преследования за убеждения были единичными и касались наиболее опасных для православия и государства ситуаций, как в случае с ересью жидовствующих, охвативших верхушку духовенства, родню великого князя и самого Ивана III, что угрожало православию и государственности. Н.М. Золотухина справедливо заметила, что «тем, что в России преследования за веру никогда не принимали такого характера, как в католических странах, она немало обязана Нилу, его сторонникам и последователям, которые со рвением доказывали невозможность применения смертной казни за вероотступничество. Смертную казнь за религиозные убеждения «нестяжатели» рассматривали как отступление от основных постулатов православного вероучения. И хотя в споре о формах воздействия на еретиков они проиграли (Собор 1504 г. приговорил еретиков к смерти), влияние нестяжателей на формирование общественного мнения несомненно. Казни еретиков носили единичный характер и распространения не получили» [5, с. 44-45].

Область человеческого духа, веры, убеждений в российской правовой традиции рассматривается как сфера духовной жизни, доступной лишь церкви с ее ненасильственной формой воздействия на человека. Для государства духовная свобода человека не может быть предметом вмешательства и преследования. В ней государство бессильно что-либо изменить или исправить. Говоря юридическим языком, нестяжатели были активными борцами за недопустимость юридической ответственности за голый умысел, его обнаружение по принципу «мысли не наказуемы».

С другой стороны, консерваторы отрицали возможность главенства государства в делах церкви, когда государь подчиняет себе духовную власть и превращает церковь в орган государства. Цезаропапистские начала консерваторы видели в последние столетия существования Византийской империи, а после реформ Петра I и в России. Начиная с Петра I, государство стало вмешиваться в церковную жизнь, произвело секуляризацию земель церкви, отменило патриаршество и ввело в качестве высшего духовного органа Священный синод, исполнявший волю императоров в церковных делах [6]. Известный специалист по церковному праву дореволюционной России А.С. Павлов писал: «В истории отношений русской церкви к государству довольно резко отлича-

ются три периода. Первый – от начала христианства на Руси до утверждения московского единодержавия в XVI веке: это период наибольшей церковной самостоятельности, когда церковь в духовно-иерархическом отношении зависела от константинопольского патриарха, а для мирских прав своих находила поддержку, с одной стороны – в могущественном влиянии духовенства на правительство и общество, с другой – в недостатках удельно-вечевой системы. Второй период – от начала московского единодержавия и до Петра Великого. В этот период отношения между духовной и мирской властью, с одной стороны, получают большую определенность, с другой – характеризуются решительным стремлением правительства подчинить церковь своему определяющему влиянию. Третий период – от Петра Великого или учреждения Святейшего синода до настоящего времени. Этот период политического господства государства над церковью» [7, с. 347-348].

Идеологически роль государства в делах веры и церкви обосновал архиепископ Феофан Прокопович. Исследователь жизни и трудов Феофана Прокоповича В.Г. Смирнов так раскрывает суть реформ Петра I и его сподвижника Феофана: «В первой части Духовного Регламента 1720 г. с обескураживающей откровенностью Феофан объяснял причины замена патриаршества Духовной коллегией: «Дабы у простого народа не возникал соблазн видеть в патриархе некое второе лицо в государстве, почти равное первому, ибо нет царства, которое бы не разорилось бы, будучи в обладании попов». Тут же поминался «русский папа» Никон с его замахами подчинить себе царя. Главный вывод: церковь не может быть государством в государстве, а должна жить по единому с прочим народом закону» [8, с. 79-80].

Петровские реформы реализовали протестантский принцип взаимоотношений церкви и государства – государственную церковь, в котором чья власть – того и вера. Церковь в таком государстве становится частью государственного механизма, а в жизнь проводится идея свободы совести, за которой скрывается борьба с верой и секуляризация общественной и государственной жизни. Реформы Петра I, сопровождавшиеся гонениями на церковь и секуляризацией церковных земель при Екатерине II, лишали власть внешнего духовного цензора. Вместе с тем государство практически полностью отказалось от использования исходящих из православного вероучения соборных механизмов управления и разрешения конфликтов. В результате государственная политика российских императоров до XIX века была антинародной, антитрадиционалистской и нарушавшей разумную меру в ме-

лочной регламентации общественной жизни, вмешательстве в вопросы духовной жизни, освобождении дворян от службы при сохранении крепостного права, заимствовании европейских правовых институтов, не приживавшихся в российских условиях, формировании не имевшей корней в русской правовой культуре правовой науки и т. п. Государство потеряло живую и органическую связь с народом и почвой, которую ранее обеспечивала церковь и соборные институты – Земские соборы. В таких условиях власть стала строиться по типу абсолютной монархии, потерявшей связь с верой и душой народа и принимавшей решения без опоры на соборное мнение общества. Церковь была лишена патриарха и Поместных соборов, замененных искусственным подобием соборов – коллегией, а потом и Синодом, возглавляемым светским лицом – обер-прокурором.

Лишь в XIX – начале XX века постепенно отношения церкви и государства стали возвращаться к исконным традициям – раздельности, независимости сфер деятельности (мирской и духовной) и соработничеству духовной и светской властей. По настоянию и авторитетным советам ряда консерваторов, в том числе Л.А. Тихомирова, Николай II принял решение о подготовке предсоборного присутствия, которое должно было решить вопрос о возрождении патриаршества. Однако смута и разномыслие, политические интриги не позволили состояться такому решению. В результате только в ходе революционных событий Русская православная церковь (РПЦ) смогла провести Поместный собор и вернуться к канонической форме управления церковью – патриаршеству.

Преобладание Российского государства в вопросах церковной жизни и веры резко осуждалось консерваторами. На их взгляд, наиболее совершенен такой порядок, при котором церковь и государство не поглощают друг друга, имеют собственную сферу действия, но в то же время не отделены непреодолимой пропастью, как в современных светских государствах. По сути дела, охранители воспроизводят православную концепцию симфонии государственной и светской властей – идею их взаимодействия и взаимной поддержки. Как писал архиепископ Серафим (Соболев): «В силу симфонии византийские императоры прежде всего действовали, как Божественные стражи и охранители православной веры, оказывая Церкви свое покровительство в ее борьбе с еретиками» [9, с. 130].

Идея относительной автономии и существования особых сфер деятельности для церкви и государства была заложена еще в святоотече-

ской литературе и наиболее ярко прозвучала в идее Августина Блаженного о двух градах – граде небесном, который на земле олицетворяет церковь, и граде земном – государстве. Э.Ю. Баскин, анализирующий идеал власти в святоотеческой литературе, пишет: «В идеях Отцов церкви содержится и более глубокая мысль, которая носит принципиальный характер для всего человечества: невозможно и недопустимо ни подчинение церкви государству, ни, наоборот, подчинение государства церкви. К сожалению, эта идея на протяжении многих столетий и вплоть до наших дней неоднократно искажалась. И церковные иерархи, и светская власть многократно отступали от нее, но результаты всегда оказывались губительными и для церкви, и для государства. Идея эта, как показало Новое время, является столь же справедливой и в отношении любых других организаций, например политических партий, стремящихся подчинить своей власти государство. Их власть над государством всегда оборачивается трагедией и для них самих, и для государства, и для общества» [10, с. 69].

Митрополит Иоанн, относивший к столпам русской государственности самодержавие, соборные институты и симфонию государственно-церковных отношений, указывает: «Церковь, как власть духовная, наряду с властью светской служит одной из опор национальной государственности: не смешиваясь, впрочем, и не подчиняясь ей. Исторический опыт свидетельствует, что такое взаимное разделение и гармоничное сочетание властей есть непрременная черта богоугодного государственного устройства» [11, с. 338-339].

Симфония церковной и государственной властей стала формироваться в Византии, где получила легальное закрепление в государственно-церковном законодательстве. Впервые принцип симфонии прозвучал в преамбуле к 6 новелле императора Юстиниана: «Величайшие блага, дарованные людям высшей благодатью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а обо, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничего не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода. Поэтому мы прилагаем

величайшее старание к охранению истинных догматов Божиих и чести священства, надеясь получить чрез это великие блага от Бога и крепко держать те, которые имеем» [12, с. 681-682].

Приведенная характеристика симфонических отношений государства и церкви заложила общий принцип государственно-церковных отношений, не предопределяя формально-определенных границ во взаимоотношениях двух институтов, поскольку природа симфонии вряд ли может получить адекватное нормативное закрепление. Еще более аллегорической и абстрактной является формулировка симфонии в Эпаногоге, памятнике византийского права IX века: «Мирская власть и священство относятся между собой, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства».

Поскольку русское право восприняло источники византийского государственно-церковного законодательства, постольку принцип симфонии церкви и государства стал официально признаваемым в России, в особенности после утверждения концепции «Москва – Третий Рим». Юридическое выражение и государственное признание в России симфония церковной и государственной властей нашла в приговоре Большого Московского собора 1666–1667 гг.: «Да будет признано заключение, что Царь имеет преимущество в делах гражданских, а Патриарх – церковных, дабы таким образом сохранилась целой и непоколебимой во век стройность церковного учреждения» [13, с. 216].

Симфония презюмирует, что государство и церковь обладают относительной автономией по отношению друг к другу, самостоятельными сферами деятельности, тем самым ограждая общество от двух крайностей – превращения церкви в институт навязывания веры силой и вмешательства государства в духовные дела. Симфония гарантирует защиту общества от тоталитарных тенденций и посягательства на свободу совести.

Нужно признать правоту Р.В. Насырова, который сформулировал общую закономерность: разделение и сосуществование двух властей – духовной и государственной – гарантия от излишней этатизации общественной жизни, а смешение этих властей, как известно, является признаком тоталитарного государства. Одной из причин известных трагических фактов и периодов российской истории (вплоть до XX века включительно) можно считать проявление этой закономерности [4, с. 120].

Ослабление духовной власти, отделение государства от церкви приводит к расширению сферы функционирования государственной

власти, вплоть до духовного мира личности и подавления свободы нравственного выбора человека.

Симфония духовной и государственной властей как принцип и политико-правовая практика не может быть объяснена с рациональных позиций. Симфония, созвучие, гармония властей определяются иррациональностью сознания верующих и реалиями политической практики. Поэтому заранее определить меру, границу взаимоотношения церкви и государства невозможно. Симфония церковной и светской властей допускает соработничество и взаимопроникновение церкви и государства в дела веры и земной жизни общества. Сферы действия церкви и государства постоянно пересекаются, поскольку жизнь человека протекает одновременно в двух измерениях – духовной и материальной. Мера взаимного соприкосновения определяется ситуативно, соизмерением решения и действия властей с совестью как гласом Божиим. С одной стороны, идея симфонии властей накладывает ряд обязанностей на церковь в сфере власти:

- нравственная поддержка государства, укрепление авторитета власти в глазах верующих;
- осуществление оценки деятельности государства и законодательства с точки зрения христианской веры;
- удерживание власти от нарушения христианских заветов.

С другой стороны, государство несет ряд обязанностей в сфере веры и духовной жизни общества:

- власть должна блюсти православие в неприкосновенности, быть охранителем христианства от ересей и других угроз, что было заложено в концепции старца Филофея «Москва – Третий Рим», имевшей в виду не претензии Москвы на имперский статус, а выпавшую на долю России ношу по охранению православной веры, поскольку других государств, способных защищать православие, не осталось после падения Византии;
- государство должно своими средствами, законами и легализованным насилием бороться со злом в обществе, создавать условия для сохранения минимальных нравственных начал в жизни общества.

Обязанности самодержавия по охране православной веры были официально установлены в «Основных государственных законах» Российской империи 1906 г. В пункте 64 Законов записано: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в

Церкви святой благочиния. В сем смысле, Император, в акте о наследии Престола 1797 Апр. 5 именуется Главою Церкви»¹.

Однако сочетание властей не должно приводить их к подмене друг друга или взаимному поглощению, когда они потеряют свою самостоятельность и сферы своего ведения.

Подчеркивая неизбежность средств государственного насилия (покуда есть зло, постольку необходима власть и законы), Филарет указывал на узость закона и принуждения как методов достижения порядка. Одними законами и государственной силой невозможно удержать людей в повиновении. Слабость государства приведет к тому, что внутренне порочные люди перестанут повиноваться и станут сопротивляться власти. Поэтому необходимо церкви и государству заботиться о нравственном воспитании людей, внутреннем преображении человечества и как крайнее средство использовать закон и принуждение.

В свете концепции симфонии церкви и государства интерес представляет правовая позиция Конституционного суда Российской Федерации, сформулированная по вопросу о конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»². Конституционный суд РФ признал соответствующим конституционным принципам светскости и плюрализма положение закона «О политических партиях» о недопустимости создания политических партий на религиозной основе. С одной стороны, решение суда находит поддержку в учении Русской православной церкви, которая запрещает каноническим структурам участвовать в политической агитации, политической борьбе, поддержке партий или политических лидеров³.

С другой стороны, Постановление Конституционного суда РФ препятствует защите религиозных ценностей, церковного учения политическими партиями, так как не позволяет ни в название, ни в программу, ни в устав партии включать положения религиозного характера. В результате верующие, причем неважно, православные, католики, мусульмане, буддисты или другие верующие, лишаются возможности отстаивать свои убеждения и идеалы, укоренные в религии, в сфере

¹ Свод законов Российской империи. Том первый. Часть I. Свод Основных государственных законов. Спб., 1906. С. 8.

² Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» // Российская газета. 2004. 24 дек.

³ Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 15.06.2017).

политики, где достигается окончательное решение социальных, национальных, культурных вопросов. Причем верующие в России, составляющие большинство по данным социологических исследований, лишаются тем самым политических институтов по защите своих религиозных идеалов и ценностей.

Нельзя назвать безупречными доводы Конституционного суда РФ по данному делу. Лишь с одним аргументом можно согласиться как бесспорным. Действительно, создание религиозных партий может вызвать раскол в обществе. Однако нужно иметь в виду, что такой раскол уже состоялся после введения многопартийности, политического плюрализма. Сами партии – части общества, конфликтующие из-за власти. Поэтому с точки зрения роли в консолидации, объединении общества партии играют такую же роль фактора дифференциации, раскола, как и любые другие организации, сформированные на основе социальных, национальных, профессиональных и иных принципов. Консервативные мыслители России не раз обращали внимание на опасность партийного устройства России как угрозу для ее социального и духовного единства. В этом ключе некорректно ставить вопрос о религиозных партиях, поскольку охранители отвергали партийную систему общества как таковую. Религиозные политические организации не в большей степени ведут к социальной вражде, чем политические партии. И.А. Ильин помимо таких недостатков партий, как выдвижение некомпетентных и духовно порочных людей, манипуляции с общественным мнением, подкуп и политические инсинуации, отмечал разрушительность партий для единства государства. Правовед писал: «Спросим себя однажды, в чем нуждается каждое государство больше всего для своего процветания? В единении. Содействуют ли этому политические партии? Как раз наоборот; они из всех сил работают над разъединением в народе. Они создают схему политической вражды, так что партийные люди привыкают критиковать, отвергать и поносить все то, что предлагают другие партии, совершенно независимо от того, полезно государству это предлагаемое или нет» [14, с. 37-38].

В этом аспекте проявляется кажущаяся противоречивость учения консервативных мыслителей России об отношении церкви к тиранической власти. С одной стороны, по заветам апостолов верующие должны подчиняться любой власти, в том числе тиранической и безбожной. История не раз доказывала, что смирение христиан приводило после гонений на церковь и верующих (первые три века существования хри-

стианства, богоборчество советской власти) в конечном итоге к признанию государством христианства в качестве официальной религии.

С другой стороны, в церковной литературе и консервативной правовой мысли существует идея, что церковь в условиях борьбы государства против истины христианства должна выполнять миссию удерживающего начала, хранителя веры и противится такой безбожной власти. Так, современная Социальная доктрина Русской православной церкви исходит из того, что верующие могут бороться за веру против государства, когда оно покушается на духовные святыни церкви и божественную истину. В действительности противоречие здесь кажущееся, поскольку сопротивление допускается церковью ее собственными средствами, а не по принципу зло за зло, насилие на насилие. Противление богоборческой власти видится в том, что верующие и церковь должны сохранять в себе веру и не допускать соглашательства с властью. Можно терпеть от власти нападки до тех пор, пока она не покушается на внутреннюю духовную свободу. Притом церковь никогда не утрачивает возможности осуждать власть за антихристианские решения и правовые акты, не прибегая помимо нравственного воздействия к другим формам влияния (например, как образцы осуждения митрополитом Филиппом действий Ивана Грозного или патриархом Тихоном действий советской власти, вплоть до угрозы расстаться со своей жизнью). Непротивление злу силой нужно понимать в том ключе, что внешними силами верующий не может пользоваться для борьбы со злом, однако, в области духа она должна быть максимально эффективной и мощной. Верующие и иерархи должны быть готовы лишиться материального и физического существования ради обеспечения свободы духа и неприкосновенности веры от пагубного давления власти.

Необходимость подкрепления нормативно-правовых актов государства авторитетом церкви вскрыл митрополит Филарет. Филарет подчеркивал недостатки того порядка, который власть обеспечивает корыстью, раболепным страхом, честолюбием подданных. На голом законе, подкрепленном силой государства, невозможно достичь прочного и справедливого правопорядка. По мысли Филарета повинование, принятие власти как необходимой социальной силы может быть основано только на крепких духовных скрепах – благочестивой вере и совести подданных. Закон же уместен лишь для духовно порочных людей, но не для всего общества. В своих выступлениях он отмечал: «Чем же обеспечить верность? Не страхом ли наказаний? Как неприятно было бы, если бы и было возможно, основать общее спокойствие на од-

ном общем страхе! Но это и невозможно; потому что могут быть нарушения верности, которых человеческая пронизательность не может открыть и правосудие человеческое не может преследовать. Страх наказания нужен и полезен для обуздания склонных к преступлениям, но недостаточен для образования качества верноподданных. Таким образом, неудовлетворительность более близких и обыкновенных средств к обеспечению верности приводит к крайнему средству – к запечатлению обещающей верности великим и страшным именем Божиим, дабы каждый так уважал верность, как благоговеет пред Богом; дабы тот, кто вздумал бы дерзновенно коснуться своего обещания; неизбежно встретился с именем Божиим, которое не есть только произносимый звук, но призываемая сила Божия, пронизывающая души, испытующая сердца, благословляющая верных и карающая неверных» [15, с. 10].

Как справедливо отмечали русские консерваторы, принцип отделения церкви и государства, введенный после революции 1917 г. в советское законодательство, на практике приводит к гонениям на церковь и ущемлению ее статуса. Вместе с тем перепись населения в 1930-е гг. показала, что две трети советского населения, 90 миллионов человек, считали себя православными, несмотря на гонения и ограничения в отношении православной веры. После периода борьбы советского правительства с Русской православной церковью в 1920–1930-е гг., в 1940-х гг. в условиях необходимости возрождения патриотизма и национального духа, учитывая традиционную приверженность народа православной вере, советская власть позволила РПЦ восстановить патриаршество и вести богослужение [16, с. 8]. В 1943 г., как утверждают специалисты, был введен конкордат советской властью в отношении с Русской православной церковью. Церковь получила право вернуться к патриаршему принципу управления, проводить Поместные соборы, возродить духовные академии и школы. Советская власть намеревалась обеспечить проведение Вселенского собора в Москве после окончания войны, но ему не было суждено состояться. Таким образом, с 1940-х гг. постепенно православие стало возрождаться в России и оказывать нравственное воздействие на общество и власть. Считается, что возрождение православия по воле руководства советской России было наградой за роль православной церкви в поднятии духа и патриотизма российского народа во время Великой Отечественной войны [17, с. 461-465].

С точки зрения консервативных правоведов принцип светскости, предусмотренный в статье 14 Конституции РФ 1993 г. и Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религи-

озных объединениях», не отражает роли православия в созидании русской культуры и государственности и ослабляет духовные опоры российской государственности⁴. В качестве предложения консервативными мыслителями высказывается идея о придании православию статуса государственной религии, не означающая при этом ограничения прав на исповедание другой веры российскими гражданами [18, с. 387].

Частично особый статус православия подтверждается и самим законом, в преамбуле которого отмечается вклад православия в русскую культуру. Кроме того, в Федеральном законе от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной и муниципальной собственности» разрешено церкви получать на правах собственности или безвозмездного пользования те здания и сооружения, а также движимое имущество, которые относились к культовому имуществу до их национализации советским правительством. Религиозным организациям необходимо доказать то обстоятельство, что данные виды имущества имеют религиозное назначение и необходимы для осуществления богослужения, религиозных обрядов, религиозного обучения и т. п.⁵ Очевидно, что данный закон позволит Русской православной церкви вернуть утраченное после революции 1917 г. культовое имущество для несения своей духовной миссии.

Особая роль Русской православной церкви в сфере укрепления международной безопасности и межконфессионального диалога отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. В документе говорится, что Российская Федерация в сфере конфессиональной и национальной политики активно взаимодействует с Русской православной церковью и другими основными религиозными объединениями страны⁶.

С 2010 г. на основании Указов Президента РФ началось преподавание в школах курса «Основы религиозных культур и светской этики», в том числе православной культуры. Кроме того, Указом Президента РФ, актами Правительства и Министерства обороны РФ возрожден институт военных капелланов – военных священников в россий-

⁴ О свободе совести и религиозных объединениях: федеральный закон от 26.09.1996 г. № 125-ФЗ. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁵ О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности: федеральный закон от 30.11.2010 г. № 327-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6423.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013 г.). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

ских вооруженных силах. Планируется ввести 250 военных капелланов, помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. В 2013 г. из 50 капелланов более 40 были представлены священниками Русской православной церкви. Безусловно, введение христианской этики в школьный образовательный стандарт несет в себе мощный импульс для духовного воспитания россиян. Аналогично присутствие священников в армии необходимо для поддержания воинского духа, воспитания необходимых нравственных качеств, патриотизма, служения Родине. С другой стороны, возникает коллизия таких решений и актов с конституционными положениями о светскости Российской Федерации, отделении государства и школы от церкви.

Наконец, приверженность русского народа православным ценностям подтверждается данными социологических исследований. Так, по сведениям Всероссийского центра по изучению общественного мнения в течение 2000-х гг. неуклонно росло число россиян, относящих себя к православным христианам. Согласно опросам, проведенным в 2009 г., в России около 80 % населения считают себя верующими православными. Очевидно, что православие в России постепенно возрождается и приобретает статус общенациональной религии для русского народа. Естественно, что православные верующие в России разделяют традиционные ценности, в том числе консервативные правовые идеалы: идею государственной церкви, симфонии церкви и государства, духовных оснований права и т. п.

Охрана религиозных чувств российских граждан осуществляется с помощью административно-правовых и уголовно-правовых норм. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного Кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств верующих» запрещает публичные оскорбления чувств верующих, воспрепятствование богослужебным обрядам, публичную порчу богослужебной литературы и т. п.⁷

Концепция официальной православной церкви была установлена в царском законодательстве. Так, в пункте 62 «Основных государственных законов» Российской империи было предусмотрено, что «первен-

⁷ О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств верующих: федеральный закон от 29.06.2013 г. № 136-ФЗ // Российская газета. 2013. 2 июля.

ствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Кафолическая Восточного Исповедания. Император, Престолом Российским обладающим, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной»⁸. Введение православия в разряд господствующей религии в Российской империи никоим образом не влекло ущемления религиозных чувств и прав представителей других религиозных конфессий. Православие выступало религией большинства подданных Российской империи. В пункте 67 ранее приведенных законов указывается: «Свобода веры присвоается не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам: да все народы, пребывающие в России, славят Бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских монархов, и моля Творца вселенной об умножении и укреплении силы империи»⁹.

Наряду с государственным статусом православия в дореволюционной России были созданы значительные преимущества для представителей отдельных территорий и религиозных течений. Так, особый статус католической церкви был предусмотрен в Манифесте «О новом порядке управления и образования Царства Польского» от 14 февраля 1832 г., где было сказано, что «вера Римско-Католическая, как исповедуемая большей частью подданных Наших Царства Польского, будет всегда предметом особых попечений Правительства», а в сфере обрядов, церковного имущества и управления сохранялась полная автономия польской католической церкви¹⁰.

Интересно, что православие признано официальной религией в Финляндии наряду с лютеранством, хотя православных в стране всего лишь 1 %. Осуждений в клерикализации не следует и в адрес других европейских стран, где официально существуют государственные религии – Греция, Кипр, Англия, Швеция и др.

Таким образом, в Российской империи удалось достичь баланса, разумного сочетания господствующей православной церкви и веротерпимости и автономии других церквей, религий и языческих верований.

Придание официальности православию не следует воспринимать как дискриминацию иных религиозных течений в России. Цель такого

⁸ Свод законов Российской империи. Том первый. Часть I. Свод Основных государственных законов. Спб, 1906. С. 8.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 7. 1832. Спб., 1833. С. 85.

рода повышения статуса православия заключается в необходимости укрепления духовных традиций русской государственности и обеспечения нравственной легитимации государственной власти в России с точки зрения высших религиозных принципов. В противном случае, как справедливо отмечалось Ф.М. Достоевским, государство потеряет свою опору и будет разрушаться. Ф.М. Достоевский сформулировал своего рода закон возникновения и развития государственных и общественных форм. Религия народа предопределяет его государственный уклад, обеспечивает эффективность и силу государственного организма. Оскудение и разложение религиозных идеалов неизбежно приводит к разрушению и гибели государственных и общественных форм. Поэтому первой задачей общественного целого должно быть сохранение религиозных ценностей народа и нравственное самосовершенствование общества. Тогда и государственное устройство будет устойчивым, нравственно оправданным в глазах общества и действительно справляться с вверенной ему охраной общества и борьбой со злом [19, с. 463-464].

Государственный статус православия, который определялся в Российской империи, вполне может сосуществовать и сосуществовал со свободой совести. Причем в XIX веке православное население Российской империи приблизительно составляло около 46 % всех подданных, однако, православие признавалась государственной религией. Тем более что в ряде стран, официальное закрепление статуса религии не означает ограничения прав представителей других вероисповеданий: такова ситуация в Финляндии, Греции, Швеции, Ватикане, Аргентине, Дании, Исландии, исламских государствах и др. По данным 2000 г. 75 стран мира определяли положение религии в качестве официальной. Статус православия как официальной или традиционной религии определен в законодательстве Греции, Грузии, Болгарии, Македонии. Так, в Конституции Греции 1975 г. определяется: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой. Православная Церковь Греции, признающая своим главой Господа нашего Иисуса Христа, неразрывно связана в своих догматах с Великой Константинопольской Церковью и со всякой другой единоверной Церковью Христовой, неуклонно соблюдает, так же как и они, святые апостольские и соборные каноны и священные традиции. Она является автокефальной и управляется Священным Синодом архиереев, находящихся на церковной службе, и избираемым ими Постоянным Священным Синодом, который создается в порядке, определяемом ус-

тавом Церкви, с соблюдением положений Патриаршего тома от 29 июня 1850 г. и акта Синода от 4 сентября 1928 г.». Примечательно, что в государствах Европы в постсекулярный период христианство и христианские символы (распятая, крест на государственных флагах) воспринимаются как часть европейской традиции [20].

Таким образом, консервативная концепция взаимодействия церкви и государства с непреложностью обуславливает ряд постулатов государственно-церковной жизни:

- 1) воцерковление общества, государства и позитивного права;
- 2) христианское государство, признающее христианство официальной религией в России;
- 3) разделение сфер духовной и мирской жизни с недопущением вмешательства государственно-правовых инструментов в сферу внутренней жизни человека – совести;
- 4) сотрудничество, сочетание и взаимная поддержка церкви и государства;
- 5) взаимные охранительные, удерживающие, консервативные функции церкви и государства. Церковь печется об охране власти от противохристианских и антитрадиционалистских актов и решений. Государство же заботится о сохранении веры и ее неприкосновенности;
- 6) христианская вера является критерием оценки и источником государственного законодательства.

Список литературы

1. *Узланер Д.* Дело «Пусси райот» и особенности российского постсекуляризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 93-133.
2. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Инфра-Норма, 1998. С. 93-123.
3. *Хомяков А.С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 357-419.
4. *Насыров Р.В.* Христианская трактовка сущности государства (в аспекте соотношения светской и духовной властей) // Российская государственность: история, современность и перспективы глобализма: межвуз. сб. ст. Барнаул, 2009. С. 108-130.
5. *Золотухина Н.М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юрид. лит., 1985. 200 с.
6. *Никольский Н.М.* История русской церкви. М.: Политиздат, 1983. 448 с.
7. *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб.: Изд-во «Лань», 2002. 384 с.
8. *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. М.: Сортаник, 1994. 224 с.
9. *Серафим (Соболев), архиепископ.* Русская идеология. СПб., 1994. 184 с.
10. *Баскин Ю.Я.* Святоотеческая литература о власти и государстве // Правоведение. 1997. № 1. С. 52-69.

11. *Иоанн, митрополит*. Русская симфония: очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 2013. 528 с.
12. *Никодим (Милаш), епископ Далматинский*. Православное церковное право. Спб., 1897.
13. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. Париж, 1959. Т. 2.
14. *Ильин И.А.* Наши задачи: в 2 т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 2. 272 с.
15. *Филарет, святитель, митрополит Московский*. Меч духовный. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. 720 с.
16. *Петюкова О.Н.* Правовые формы отношений советского государства и Русской православной церкви в 1917–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
17. *Цыпин В., протоиерей*. История Русской православной церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с.
18. *Сорокин В.В.* Юридическая глобалистика: в 2 т. М.: Юрлитинформ, 2010. Т. 2. 438 с.
19. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 9: в 2 кн. Кн. 2. Дневник писателя. М.: АСТ: Астрель, 2004.
20. *Кырлежев А.* «Дело о распятиях» в Европейском суде – в постсекулярной перспективе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 233-269.

Поступила в редакцию 15.08.2017 г.

Отрецензирована 18.09.2017 г.

Принята в печать 28.11.2017 г.

Информация об авторе

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права. Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Для цитирования

Васильев А.А. Церковь и государство в консервативной парадигме России: поиск симфонии // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3/4. С. 5-25.

CHURCH AND STATE IN THE CONSERVATIVE PARADIGM OF RUSSIA: SYMPHONY SEARCH

A.A. Vasilev

Altai State University

61 Lenin Ave., Barnaul 656049, Russian Federation

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

Abstract. The ideal of church-state relations in the conservative legal ideology in Russia is analyzed. The study is focused on of the idea of the symphony in the work of Russian conservatives. Based on the works of Russian

conservatives, sources of Russian law and practice materials the Constitutional Court of the Russian Federation, the essence of the symphony of church and state authorities are shown. It is concluded that the symphony of power is not simply the separation of church and state, but also their mutual support and cooperation, defined whenever the concrete historical circumstances. So the symphony of church and state cannot be determined in a formal logical form as a kind of formula of relations between the two authorities. The importance of independent and autonomous of the church as the guarantor of the state from slipping into totalitarianism is argued. As one of the theses the proposition that the conservative intentions still have an impact on the relationship between church and state in Russia through the archetypes of national consciousness and political traditions is proved.

Keywords: church; state; symphony; caesaropapism; papocaesarism; Orthodoxy

References

1. Uzlaner D. Delo «Pussi rayot» i osobennosti rossiyskogo postsekulyarizma [“The Pussy Riot Case” and the peculiarities of Russian postsecularism]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2013, no. 2 (31), pp. 93-133. (In Russian).
2. Berman H.J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Formation of the Western Legal Tradition]. Moscow, Infra-Norma Publ., 1998, pp. 93-123. (In Russian).
3. Khomyakov A.S. *Vsemirnaya zadacha Rossii* [Universal Aim of Russia]. Moscow, Russian Civilization Institute Publ., 2008, pp. 357-419. (In Russian).
4. Nasyrov R.V. *Khristianskaya traktovka sushchnosti gosudarstva (v aspekte sootnosheniya svetskoy i dukhovnoy vlastey)* [The Christian interpretation of the essence of the state (in terms of the ratio of secular and spiritual authorities)]. *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoriya, sovremennost' i perspektivy globalizma* [Russian Statehood: History, Modernity and the Globalism Perspectives]. Barnaul, 2009, pp. 108-130. (In Russian).
5. Zolotukhina N.M. *Razvitie russkoy srednevekovoy politiko-pravovoy mysli* [The Development of Russian Medieval Political and Legal Thought]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985, 200 p. (In Russian).
6. Nikolskiy N.M. *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, 448 p. (In Russian).
7. Pavlov A.S. *Kurs tserkovnogo prava* [The Course of Church Law]. St. Petersburg, “Lan” Publ., 2002, 384 p. (In Russian).
8. Smirnov V.G. *Feofan Prokopovich* [Theophan Prokopovich]. Moscow, Soratnik Publ., 1994, 224 p. (In Russian).
9. Serafim (Sobolev), archbishop. *Russkaya ideologiya* [Russian Ideology]. St. Petersburg, 1994, 184 p. (In Russian).
10. Baskin Y.Y. *Svyatootecheskaya literatura o vlasti i gosudarstve* [Patristic literature on power and the state]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1997, no. 1, pp. 52-69. (In Russian).
11. Ioann, metropolit. *Russkaya simfoniya: ocherki russkoy istoriosofii* [Russian Symphony: Russian Historiosophy Essays]. St. Petersburg, Tsarskoe delo Publ., 2013, 528 p. (In Russian).

12. Nikodim (Milash), bishop of Dalmatia. *Pravoslavnoe tserkovnoe pravo* [Orthodox Church Law]. St. Petersburg, 1897. (In Russian).
13. Kartashev A.V. *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi: v 2 t.* [Essays on Russian Church History: in 2 vols.]. Paris, 1959, vol. 2. (In Russian).
14. Ilin I.A. *Nashi zadachi: v 2 t.* [Our Aims: in 2 vols.]. Moscow, Municipal Enterprise “Rarog”, 1992, vol. 2, 272 p. (In Russian).
15. Filaret, holy hierarch, metropolite of Moscow. *Mech dukhovnyy* [The Spiritual Sword]. Moscow, Russian Civilization Institute Publ, 2010, 720 p. (In Russian).
16. Petyukova O.N. *Pravovye formy otnosheniy sovetskogo gosudarstva i Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1917–1945 gg.: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Forms of Relations Between Soviet State and Russian Orthodox Church in 1917–1945. Dr. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011. (In Russian).
17. Tsylin V., archpriest. *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: Sinodal'nyy i noveyshiy periody* [History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Latest Periods]. Moscow, Publishing House of the Sretensky Monastery, 2010, 816 p. (In Russian).
18. Sorokin V.V. *Yuridicheskaya globalistika: v 2 t.* [Legal Globalistics: in 2 vols.]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010, vol. 2, 438 p. (In Russian).
19. Dostoyevsky F.M. *Sobranie sochineniy: v 9 t. T. 9: v 2 kn. Kn. 2. Dnevnik pisatelya* [Collected Works: in 9 vols. Vol. 9: in 2 bks. Bk. 2. A Writer’s Diary]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2004. (In Russian).
20. Kyrlezhev A. «Delo o raspyatiyakh» v Evropeyskom sude – v postsekulyarnoy perspektive [“The Case of Crucifixions” in the European Court: a postsecular reading]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2013, no. 2 (31), pp. 233-269. (In Russian).

Received 15 August 2017

Reviewed 18 September 2017

Accepted for press 28 November 2017

Information about the author

Vasilev Anton Aleksandrovich – Doctor of Jurisprudence, Associate Professor, Head of Theory and History of State and Law Department. Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

For citation

Vasilev A.A. Tserkov' i gosudarstvo v konservativnoy paradigme Rossii: poisk simfonii [Church and state in the conservative paradigm of Russia: symphony search]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 3/4, pp. 5-25. (In Russian, Abstr. in Engl.).